

Ж. ДЕ МЕСТР, Ж. ДЕ СТАЛЬ И Г. Ф. ФАБЕР О ХАРАКТЕРЕ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Author(s): VADIM PARSAMOV

Source: *Revue des études slaves*, Vol. 83, No. 4, 1812, la campagne de Russie : Histoire et représentations (2012), pp. 1035-1046

Published by: [Institut d'études slaves](#)

Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/43272235>

Accessed: 29-07-2015 22:14 UTC

Your use of the JSTOR archive indicates your acceptance of the Terms & Conditions of Use, available at <http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp>

JSTOR is a not-for-profit service that helps scholars, researchers, and students discover, use, and build upon a wide range of content in a trusted digital archive. We use information technology and tools to increase productivity and facilitate new forms of scholarship. For more information about JSTOR, please contact support@jstor.org.

Institut d'études slaves is collaborating with JSTOR to digitize, preserve and extend access to *Revue des études slaves*.

<http://www.jstor.org>

**Ж. ДЕ МЕСТР, Ж. ДЕ СТАЛЬ И Г. Ф. ФАБЕР
О ХАРАКТЕРЕ ВОЙНЫ 1812 ГОДА**

VADIM PARSAMOV

*Chaire d'histoire de la Russie du Moyen Âge et du début des Temps modernes
Université d'État des sciences humaines de Russie, Moscou*

Среди множества интерпретаций Войны 1812 г. можно выделить общеевропейский взгляд, не укладывающийся в рамки национального осмысления этого события и соответственно отличного от специфически французского, русского, немецкого и т.д. В основе такого рода интерпретации лежит обеспокоенность судьбой европейского континента в целом и понимание того, что с июня по декабрь 1812 г. она решалась на территории Российской империи. Выбор трех мыслителей, о которых пойдет речь далее, не случаен. Все они люди с неярко выраженной национальной принадлежностью. Мадам де Сталь происходила из швейцарско-прусской семьи и была замужем за шведом. Жозеф де Местр, подданный сардинского короля, происходил из древнего лангедокского рода, разделенного на две ветви, пьемонтскую, к которой он принадлежал, и французскую. Готгильф-Феодор Фабер (1768-1847) родился в Риге, учился в Германии, до 1805 г. находился на французской службе. В 1805 г. был приглашен А. Чарторыйским в Россию, но в связи с его отставкой оказался и не у дел и занялся литературным трудом. Всех трех объединяет принадлежность к французской культуре. Они думали и писали по-французски. Но сам французский язык был для них в первую очередь языком Европы. В 1812 г, во время продвижения по России Великой армии, судьба свела этих людей в Петербурге, где Ж. де Местр был посланником Сардинского королевства, Фабер служил в статистическом отделении Министерства иностранных дел, а Мадам де Сталь задержалась примерно на месяц по пути из Швейцарии в Англию, куда она направлялась преследуемая Наполеоном.

Revue des études slaves, Paris, LXXXIII/4, 2012, p. 1035-1046.

*
* * *

Местр предвидел войну, но считал ее бессмысленной для Европы. Главный вопрос, который, по его мнению, должен волновать европейцев: «*La maison de Bourbon sera-t-elle rétablie ou non ?*». Спасение Франции, иными словами, реставрация Бурбонов по Местру может осуществиться только изнутри самой Франции. Эмигранты, покинувшие страну, чтобы избежать революции, не могут ничего сделать для возвращения короля. Поэтому он довольно холодно относится к идее войны, понимая ее бесполезность¹.

Война, кажется ему бессмысленной еще и потому, что у России нет никаких шансов в ней победить. Для того чтобы война имела смысл необходимо: «*1° Que les Français, las de cette effusion de sang interminable, se défassent du guerrier pour se défaire de la guerre ; 2° que la perte d'une bataille tue le charme qui fait sa force*» (XII: 79). Местр считает, что война должна быть «*d'une manière révolutionnaire*», т.е. иметь антинаполеоновский характер. Но надежды на это слабы, и война эта будет вестись против Франции «*au lieu de la faire à Napoléon personnellement*»². Характерно, что Местр говорит о том, что война будет вестись не против России, а против Франции. При этом он прекрасно понимает, что России будет противостоять не одна Франция, но и все зависимые от нее державы. Заглядывая в будущее, Местр предвидит непрочность многонациональной наполеоновской армии и допускает, что в случае если Россия начнет войну, то европейские державы могут перейти на ее сторону с целью раздела Франции. Борьба же с Наполеоном, с его точки зрения, должна начаться внутри самой Франции, и тогда европейские державы поддержат эту новую революцию.

Рассматривая войну 1812 г., как этап в «*guerre civile du genre humain*» (XII: 424), Местр признает, что это особый этап со своим национальным колоритом. Войны вышла за пределы Европы, и европейские критерии уже не применимы для их понимания. «*Il est vrai que nous ne sommes plus ici en Europe, ou que, du moins, nous sommes au milieu d'une race asiatique qui s'est avancée en Europe*» (XII: 209). Европейский подход требовал примирения с Наполеоном еще до начала боевых действий. Русский европеец Н. П. Румянцев, министр иностранных дел, является убежденным сторонником мира. Да и сам царь, при всей его внешней твердости, на самом деле, как кажется Местру, не исключает возможности примирения с Наполеоном, о чем свидетельствует

1. *Joseph de Maistre et Blocas : leur correspondance inédite et l'histoire de leur amitié, 1804-1820*, Paris, 1908, p. 179.

2. J. de Maistre, *Œuvres complètes*, t. 12, Lyon, 1886, p. 79 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием римскими цифрами тома, арабскими – страницы).

сохранение Румянцева на его должности – «comme instrument le plus convenable à employer dans cette occasion suprême» (XII: 226).

Российский парадокс состоит в том, что при всем внешнем деспотизме и рабстве Россия – самая свободная страна: «nulle part l'homme n'est plus libre et ne fait plus ce qu'il veut. Les extrêmes se touchent, de manière que le gouvernement arbitraire amène plusieurs formes républicaines» (XII: 195). Это обстоятельство, по мнению Местра, влияет на характер войны. Царь вынужден учитывать и народное настроение. Рабство русских крестьян «n'exclut point l'enthousiasme national» (XII: 195). Русские как нация наделены огромной первобытной энергией. Но и пороки у них пропорциональны силе: «Ses vices sont ses lois et toutes ses lois sont ses vices» (XII: 166).

По мнению Местра, русские, несмотря на превосходные природные качества, проявленные во время войны – «esprit public unique, d'un dévouement sans bornes, d'une fidélité inébranlable», – не могут сравняться с французами «sous le rapport de la science militaire, de la hardisse des plans, de l'ensemble, de la vigueur, de la célérité des mouvements et de l'accord parfait de nombreux agents de ce jeu terrible» (XII: 285-286). Поэтому поражение Наполеона не заслуга русских, а результат его собственных ошибок: «Celui qui a perdu Buonaparte – c'est Buonaparte»³. Главное, в чем он ошибся, это «le caractère et disposition de la nation russe <...> Bonaparte a cru avoir affaire à des bourgeois de France ou d'Italie, tels que nous en avons connus» (XII: 195). Но вместо этого против него восстала вся Россия. Из этого обстоятельства Местр делает важное для него заключение относительно внутренней политики Александра I. «Le véritable ennemi de la Russie, c'est le gouvernement, c'est l'Empereur lui-même, qui s'est laissé séduire par les idées modernes». Местр готов восхищаться стремлением Александра I законодательно ограничить свою власть «pour donner plus de liberté à ses peuples», но он считает, что в условиях войны эти конституционные идеи привели бы к поражению. Русские восстали против Наполеона именно потому, что они не европейцы. Это обстоятельство лишний раз доказывает, что реформы Сперанского были всего лишь авантюрой (XII: 196).

*
* *

Как и Местр, Сталь видит в Войне 1812 г. проявление высшей закономерности, не зависимой от воли и желания отдельных людей. Но при этом она всю ответственность за развязывание этой войны возлагает на Наполеона, который в свою очередь представляет собой законо-

3. *Архив кн. Воронцова*, Москва, 1880, т. 14, с. 488.

мерный этап в развитии Французской революции. На этом фоне Александр I отличается исключительным миролюбием: «On aura de la peine à croire aux sacrifices sans nombre que l'empereur Alexandre a faits pour conserver la paix»⁴. Нарушение Тильзитского договора, в чем Наполеон обвинял царя, с точки зрения Сталь, было всего лишь предложением для войны, причем предложением явно вымышленным: «On auroit pu bien plutôt lui reprocher une fidélité trop scrupuleuse à ce funeste traité ; et c'étoit Alexandre qui eût été en droit de faire la guerre à Napoléon, comme u ayant manqué le premier» (249). Истинную причину войны Сталь видит в самом характере Наполеоновского правления и логике распространения революционной тирании не только по всей Европе, но и за ее пределы.

Мадам де Сталь, спасаясь от Наполеона, пересекла границы Российской империи 14 июля 1812 г. в день взятия Бастилии. Сама она подчеркивала символичность этой даты: «C'est le 14 juillet que j'entrai en Russie ; cet anniversaire du premier jour de révolution me frappa singulièrement : ainsi se refermoit pour moi le cercle de l'histoire de France qui, le 14 juillet 1789, avoit commencé» (246). Таким образом, движение в пространстве для Сталь, въезжающей в Россию, является перемещением из одной эпохи в другую. На этом строится главная антитеза ее размышлений о войне 1812 г. Наполеоновская Франция, символизирующая деспотизм, и Александровская Россия, как страна свободная от Наполеоновской тирании. Как справедливо отметил С. Н. Дурылин, «Г-же де Сталь нужна персональная антитеза Наполеону»⁵, и эту антитезу она нашла в лице Александра I. При этом в соответствии с традиционно европейской антитезой: Запад (свобода) – Восток (деспотизм), Наполеону парадоксально придаются черты восточного деспота («l'étiquette orientale que Bonaparte avoit établie dans sa cour interceptoit les lumières que l'on peut recueillir par les communications faciles de la société»⁶), а в Александре I подчеркивается подлинно европейская просвещенность. Если Наполеон поработил самый просвещенный народ, то Александр просвещает один из самых непросвещенных народов, соприкасающихся с европейским миром. При этом само варварство русских Сталь оценивает положительно: «Il y a dans cette manière d'être un peu de rapport avec les sauvages ; mais il me semble que maintenant les nations européennes n'ont de vigueur que quand elles sont ou ce qu'on appelle barbares, c'est-à-dire non éclairées, ou libres»⁷ (272).

4. G. de Staël, «Dix années d'exil», in: Staël, *Œuvres complètes*, t. 15, Paris, 1821, p. 249 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы).

5. С. Н. Дурылин, «Г-жа де Сталь и ее русские отношения», *Литературное наследство*, т. 33-34, Москва, 1939, с. 277.

6. G. de Staël, *Considérations sur la Révolution française*, Paris, 1983, p 426.

7. Ниже де Сталь пишет, что под варварством она понимает «une certaine énergie primitive qui peut seule remplacer dans les nations la force concentrée de la liberté» (289),

Говоря о первобытной свободе русских, Сталь должна была испытывать затруднение с объяснением феномена крепостного права. В *Рассуждениях о Французской революции* она обошла молчанием эту проблему. Но в *Десяти годах в изгнании*, она дает идеализированный образ русского рабства: «les rapports des grands avec le peuple ressemblent plutôt à ce qu'on appeloit la famille des esclaves chez les anciens, qu'à l'état des serfs chez les modernes» (276). Поэтому сопротивление Наполеону является единодушным порывом всей нации. Сталь несколько смущало то обстоятельство, что данный порыв проявлялся в том, что дворяне «дарили своих людей» государству, то есть записывали своих крепостных в ополчение: «J'avois de la peine à me faire à cette expression, *donner des hommes*; mais les paysans eux-mêmes s'offroient avec ardeur, et leurs seigneurs n'étoient dans cette querre que leurs interprètes» (279).

Война 1812 г. в представлении Сталь, является, прежде всего, войной народной. Русская нация на борьбу с завоевателем «s'est levée presque en entier» (280). В этом заключается своеобразие русского народа как народа преимущественно военного и его отличие от европейцев, включая и французов, позволивших поработить себя Наполеону. Идея народной войны у Сталь приобретает эмблематический характер. Для нее важен сам облик русского крестьянина. Одним из важнейших признаков является борода. Она одновременно символизирует силу, достоинство и благочестие русского человека⁸. Яркие краски восточного костюма («grande robe bleue, serrée autour du corps par une ceinture rouge», 245) и наполненная символами религия («leur confiance dans les images visibles de la religion est très-touchante», 280) довершают образ народа «gigantesque en tout genre» (269). Внешний вид русского человека неотделим от его внутренней сути. Отказ от национального своеобразия неизбежно приводит к искажению национального характера и, в конечном счете, к вырождению нации. Всемирная монархия Наполеона, по мнению Сталь, угрожает не только индивидуальной свободе, но и ведет к национальной деградации. «Je pris en peu de temps tellement de goût à ces habits orientaux, que je n'aimois pas à voir des Russes vêtus comme le reste des Européens; il me sembloit alors qu'ils alloient entrer dans cette grande régularité du despotisme de Napoléon, qui fait présent à toutes les nations de la conscription d'abord, puis des taxes de guerre, puis du code Napoléon, pour régir de la même manière des nations toutes différentes» (255). Русский народ, как считает Сталь, не поддается поверх-

согласно с историческими взглядами о разложении Римской империи и энергии германских варваров.

8. «... leur longue barbe ajoute beaucoup à l'expression religieuse de leur physionomie» (254); «... les barbes <...> donnent de <la> force et de <la> dignité à la physionomie» (280).

ностной европеизации в том смысле, как ее понимал Петр I, и в этом она видит залог победы русских над Наполеоном.

Особый интерес у Сталь вызывают люди, от которых зависит исход войны. Их трое: сам царь Александр I, главнокомандующий М. И. Кутузов и московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин. Именно они в наибольшей степени поглощают в себе энергию «народна-исполина» и направляют ее на борьбу с Наполеоном.

К Ростопчину у Сталь отношение двойственное. В отличие от Местра, считавшего ростопчинский патриотизм фарсом, частично оправданным в случаях успеха и смешным в противоположных случаях (XII: 277), Сталь относится к московскому губернатору серьезно. Ее безусловно располагает то, что его «*nom a rempli les bulletins de l'empereur*» (287), в которых он сравнивался с Маратом, а также то, что Ростопчин сжег собственное имение, не желая оставлять его французам. Положительно оценивая историческую роль Ростопчина, Сталь склонная отделять ее от его характера «деспотического и жестокого». Не нравится ей и постоянное стремление московского губернатора скрывать от жителей правдивую информацию о боевых действиях: «*Se qu'on auroit pu reprocher au comte Rostopschin, c'est d'avoir dissimulé trop longtemps les mauvaises nouvelles des armées, soit qu'il se flattât lui-même, soit qu'il crût nécessaire de flatter les autres*» (288). Этим Ростопчин в глазах Сталь отличается от англичан, которые «*rendent compte aussi véridiquement de leurs revers que de leurs succès et l'enthousiasme se soutient, chez eux, par la vérité, quelle qu'elle soit*» (288). Русские «дикари» («*sauvages*»), конечно же, «*ne peuvent atteindre encore à cette perfection morale ; qui est le résultat d'une constitution libre*» (288).

Замалчивание неприятных известий было не личной особенностью Ростопчина. С аналогичной ситуацией Сталь столкнулась и в Петербурге, где первое время под влиянием новых впечатлений и вследствие отсутствия информации она забыла даже «*la guerre dont dépendoit le sort de l'Europe*» (333). Ссылаясь на Ж. де Местра, «*homme d'esprit*», Сталь пишет: «*tout étoit mystère à Pétersbourg, quoique rien ne fût secret : et en effet, on finit par découvrir le vrai ; mais l'habitude de se taire est telle parmi les courtisans russes, qu'ils dissimulent la veille ce qui doit être connu le lendemain*» (333). Так о взятии Смоленска французами Сталь узнала случайно «от одного иностранца» (333). Это ввергло ее «в отчаяние» и заставило думать, что Россия может повторить судьбу Австрии и Пруссии, покорившихся Наполеону «*par la conquête de leurs capitales*» (334).

Олицетворением подлинного героя и вождя воинственного русского народа для Сталь является Кутузов. Ее отношение к главнокомандующему кардинально отличается от отношения Местра, видящего в

нем посредственного полководца и безнравственного человека, игрой обстоятельств поднявшегося до статуса национального героя. «C'est là une de ces grandes occasions où l'on peut admirer tristement la puissance des préjugés aidés par l'esprit de parti et par l'orgueil national. Cet orgueil voulait un héros, il l'a fait comme on fait une caisse ou un soulier»⁹. Первоначально Сталь оценила в Кутузове «manière agréable de courtisan»¹⁰, что соответствовало его реальной роли в высшем свете. Но в «Десяти годах» она отметила, что «les Russes, courtisans à Pétersbourg ; redeviennent Tartares à l'armée» (348). Это обстоятельство значительно укрупняет образ Кутузова, на которого теперь возлагаются надежды не только нации, но и всей Европы: «Je fus émue en quittant cet illustre maréchal Kutusow ; je ne savois si j'embrassois un vainqueur ou un martyr, mais je vis qu'il comprenoit la grandeur de la cause dont il étoit chargé. Il s'agissoit de défendre, ou plutôt de rétablir toutes les vertus morales que l'homme doit au christianisme, toute la dignité qu'il tient de Dieu, toute l'indépendance que lui permet la nature ; il s'agissoit de reprendre tous ces biens des griffes d'un seul homme, car il ne faut pas plus accuser les François que les Allemands et les Italiens, qui le suivoient, des attentats de ses armées» (348).

Подобно тому, как она делала это с Ростопчиным, Сталь сравнивает Кутузова с англичанами. Но если в первом случае сравнение было не в пользу московского губернатора, то Кутузов, в ее представлении, вполне сравним с Веллингтоном. Символичным ей казалось то обстоятельство, что отъезд Кутузова в армию в качестве вновь назначенного главнокомандующего почти совпало с получением известия о победе Веллингтона под Саламанкой: «La veille du jour où il devoit partir pour l'armée, la nouvelle arriva que Lord Wellington avoit été vainqueur à Salamanque»¹¹. Эта параллель получит дальнейшее развитие под пером Сталь применительно к заграничным походам, когда она увидит в Кутузове полководца способного войти в Париж, подобно тому как Веллингтон вошел в Мадрид. Английский полководец спасает испанский народ от тирана, а русский спасает французский народ от того же тирана. Наполеон, таким образом, оказывается в равной степени чуждым как испанскому, так и французскому народу.

Третьей и самой важной фигурой, способствовавшей победе русских над Наполеоном, является Александр I. Он, пожалуй, единственный русский в изображении Сталь, на котором не видно ни одного темного пятна. Даже в Ростопчине и Кутузове, хотя и в разной степени, но все же присутствуют элементы первобытной дикости, характерной для русской нации. Александр же настоящий европеец,

9. *Архив кн. Воронцова*, с. 500.

10. S. Balayé, *les Carnets de voyage de Mme de Staël*, Genève, 1971, p. 303.

11. *Ibid.*, p. 485.

причем английского типа, являющегося для Сталь своего рода квинтэссенцией европейской цивилизации, и наиболее полным воплощением просвещенной свободы. Основным принципом его поведения, по мнению Сталь, является совесть, служащая одновременно главным гарантом просвещенности его правления. Совесть царя, по мнению Сталь, способна заменить конституцию, точнее разорвать тот порочный круг, в котором оказываются реформы политической системы. Ввести представительное правление в России, по мнению, Сталь невозможно, потому что в ней нет третьего сословия, но оно не может появиться пока Россия остается крепостнической страной с абсолютной властью царя. В этих условиях характер Александра I служит конституцией, а «поручкой в ее исполнении» является его совесть. Совесть, как считает Сталь, помогла Александру рассмотреть истинное лицо Наполеона, после чего все надежды французского императора на союз с Россией рухнули. Отношение Александра I к Бонапарту Сталь изображает следующим образом. Сначала это энтузиазм: «l'empereur de Russie s'étoit laissé emporter trop loin par son enthousiasme pour lui, c'est parce qu'il le croyoit partisan des premiers principes de la révolution française, qui s'accordent avec ses propres opinions» (346). Здесь Сталь не удержалась от одного сомнительного для репутации царя сравнения его с Петром III, который «avoit de même ressenti un grand enthousiasme pour Frédéric second». Но она тут же внесла комплементарную оговорку: «Dans ces sortes d'illusions qu'inspire un homme extraordinaire, il y a toujours un motif généreux, quelques erreurs qui puissent en résulter» (311). Избавившись от бонапартистских иллюзий, царь занял по отношению к своему бывшему кумиру непримиримую позицию, успокоившую Сталь относительно возможности примирения с французами. Наполеон, в изображении Сталь, тоже ошибся в Александре, но природа его ошибки совершенно иная. Он полагал, что царь поможет ему поработить Европу, но «il rencontra de la conscience, et ses calculs furent tous déjoués ; car c'est là un élément dont il ne connoît pas la force et qu'il ne fait jamais entrer dans ses combinaisons» (347).

Говоря о причинах победы русских Сталь на первое место поставила «la persévérance admirable de l'empereur Alexandre en refusant la paix que Bonaparte lui offroit, selon sa coutume, quand il fut vainqueur». На втором месте «l'énergie des Russes qui ont mis le feu à Moscou, pour que le martyr d'une ville sainte sauvât le monde chrétien»¹². Но это так сказать причины субъективного плана, позволяющие полагать, что господство Наполеона над Европой сохранилось бы не пойдя он в Россию. Но историческая закономерность, ассоциирующаяся для Сталь с Провидением, заставило ее увидеть силу Божественного вмешатель-

12. Staël, *Considérations sur la Révolution française*, p. 430.

ства в историю в морозе, который и стал главной причиной гибели Великой армии в России: «Mais c'est le froid, ce froid de l'enfer, tel qu'il est peint dans le Dante, qui pouvoit seul anéantir l'armée de Xerxès»¹³.

Таким образом, две стихии: русская нация и природа, от которой она недалеко ушла, сокрушили наполеоновское могущество. На этом фоне пассивная роль Александра I, проявившего действительно твердость характера в тяжелых условиях, была воспринята Сталь, и не только ей одной, как осознание царем воли Провидения.

*
* *

Одним из собеседников Сталь в России был Фабер. Свое понимание войны 1812 г. он изложил в открытом письме к ней. Главную причину победы над Наполеоном Фабер видит в русском народе, в единомысленном порыве поднявшимся на борьбу с завоевателями. В России Наполеону противостоял дикий и неизвестный ему доселе народ, не признающий законов цивилизованной войны. отождествляя понятия нация (nation) и народ (peuple), Фабер писал: «La nation a sauvé la Russie <...> Ce peuple, qui est encore si près de la nature, avec ses barbes menaçantes et sa chevelure hérissée!»¹⁴. Народная война отождествляется Фабером со священной войной: «Des images de saints, des reliques de paroisses, servant de signe de ralliement, les précédaient dans cette guerre sainte». Далее автор описывает события 1812 года в понятиях народной войны, известной европейскому читателю по популярной испанской теме. Русские крестьяне, если чем и отличаются от испанских гверилласов, разве лишь тем, что превосходят их: «Je ne sais si la guerre d'Espagne est aussi désastreuse aux Français que celle que leur font les Russes campagnards. Aussitôt que les Français approchent d'un village, il est vidé par ses habitants de tout ce qu'il renferme, les femmes, les enfants, les vieillards et les infirmes sont envoyés dans l'intérieur des terres; les seuls hommes capables de combattre, restent; ils choisissent un chef pour les diriger: ils sont armés. Tout ce qui ne peut être transporté, est détruit. Le sol paternel ne doit offrir aux ennemis que ruines et cendres»¹⁵.

Символом народной войны, по мнению Фабера, является пожар — «une des idées foncièrement nationales». Пожар Москвы стал кульминацией народного сопротивления Наполеону: «Les monceaux de cendres accumulés dans Moscou, attestent de quel sacrifice a été capable une nation

13. *Ibid.*, p. 431.

14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [ОР РНБ], Ф. 542, оп. 1, ед. хр. 696, л. 2.

15. Там же, л. 3.

bien déterminée dans sa haine contre l'agresseur de son territoire. Oui, sans doute, comme dans les campagnes, de même dans leur capitale les Russes ont voulu lui offrir des ruines»¹⁶.

Но главный пафос письма Фабера заключается все-таки не в этом. Фабер утверждает, что русский народ боролся не за свободу («le terme de liberté est pour lui vide de sens»), а действовал в силу дикого патриотизма: «Le patriotisme russe ne ressemble à aucun autre patriotisme ; il n'est pas raisonné. D'une extrémité de la Russie à l'autre il se manifeste de la même manière ; chaque individu l'énonce de même ; ce n'est pas un calcul, c'est un sentiment, et ce sentiment est un éclair, tant il est instantané et prompt ; *résister et tout sacrifier*, voilà comme on traduirait ce sentiment en paroles ; et le moyen de l'exprimer c'est *le fer et le feu*»¹⁷.

Главный аргумент Фабера в споре с Мадам де Сталь заключается в том, что русский народ отверг свободу, предлагаемую ему Наполеоном. И сделал он это потому, что искренне привязан к своим помещикам. На многочисленные предложения свободы русские мужики якобы отвечали: «La liberté <...> comment pouvez-vous nous la donner, vous, qui n'avez aucun droit, aucun pouvoir sur nous ? Votre empereur, disaient ces hommes simples, ne peut rien nous accorder chez nous ; rien n'y est à lui. Nous avons notre empereur et notre seigneur. Ce sont eux seuls qui peuvent décider de nous»¹⁸.

В своей апологии крепостничества Фабер доходит до парадоксальной мысли: «La servitude telle qu'elle existe dans ce moment en Russie, а pour cette fois sauvé l'État». Цивилизация, даже в небольшой степени привитая русскому народу, дала бы совершенно иной результат: «Le mouvement national n'est plus simultané, prompt, uniforme, comme il l'a été ; ce n'est plus un seul et même mouvement, comme nous l'avons vu»¹⁹.

16. Там же, л. 8 об.

17. Там же, л. 3 об.

18. Там же, л. 4 об.

19. Там же, л. 5 об-6. По обоснованному предположению В. А. Мильчиной, рассуждения Фабера о характере русского варварства «имеют немало общего с идеями Сталь, а возможно, являются их истоком» (См. комментарий в кн.: Staël, *Considérations sur la Révolution française*, p. 423). В пользу этого предположения говорит, в частности, и тот факт, что Сталь широко пропагандировала письмо Фабера, о чем последний писал А. Н. Оленину: «Vous sentez bien que Mme de Staël n'a pas dû être d'accord avec plusieurs de mes idées sur la servitude, mais Mme de Staël connaissait encore bien moins la Russie qu'elle n'a connu l'Allemagne, et tant qu'elle vivra, elle croira ses idées de liberté applicables, où je pourrai les trouver inexécutables. Cependant elle a donné une grande vogue à ma lettre, aussitôt qu'elle l'avait reçue ; contenant les premières notions sur le mouvement national en Russie, cette lettre a fait une grande sensation dans le temps, à la cour de Stockholm, elle a été lue et relue au prince royal et a circulé dans les cercles de la haute société ; Mme de Staël, comme elle m'a mandé, en a fait faire des copies qui ont été expédiées en Allemagne, en Angleterre, en Italie, partout où il y a avait alors moyen d'en faire parvenir» (ОР РНБ, Ф. 542, оп. 1, ед. хр. 319, л. 3-3об.).

Мотивировка, даваемая Фабером, не лишена привкуса руссоизма: цивилизация и образование порождают неравенство и дают возможность человеку сравнивать свое положение с другими, а, следовательно, превращают его в отдельную единицу, автономную от национальной массы. Частные интересы берут верх над общими, и в результате целое ослабляется. В войне с Наполеоном это было бы губительным как для России, так и для европейских народов.

Апология крепостного права имела также и полемический подтекст по отношению к идеологии Просвещения. У просветителей противопоставление просвещения (цивилизации) – варварству имело довольно сложный смысл. С одной стороны, с Просвещением связывался прогресс разума, распространение знаний, окультуривание дикого пространства, смягчение нравов и т. д. С другой стороны, получило широкое распространение противопоставление добродетельных дикарей и порочной цивилизации. В 10-м томе *Философской и политической истории учреждений европейцев в обеих Индиях* Д. Дидро и Г. Т. Рейналь выступили с гневным обвинением в адрес просвещенных колонизаторов, осуществляющих завоевания в Карибском бассейне: «Des hommes civilisés ayant tous vécu dans leur patrie sous des gouvernements, sinon sages du moins anciens ; ayant tous été nourris dans des foyers où ils avoient reçu les leçons et quelquefois l'exemple des vertus ; tous élevés au centre de villes policées, où l'exercice d'une justice sévère les avoit accoutumés à respecter leurs semblables, auront-ils tous, tous sans exception, une conduite que l'humanité, leur intérêt, leur sûreté, les premières lueurs de la raison proscrivent également, et continueront-ils à devenir plus barbares que le sauvage ? »²⁰.

Несколько лет спустя уже в период наполеоновского господства в Европе аббат Грегуар в книге *О литературе негров, или Исследования об их интеллектуальных способностях, моральных качествах и об их литературе* развивал эти идеи Дидро и Рейналя: «Européens <...> voyez ce que vous êtes. Depuis trois siècles, les tigres et les panthères sont moins redoutables que vous pour l'Afrique. Depuis trois siècles, l'Europe, qui se dit chrétienne et civilisée, torture sans pitié ni relâche, en Amérique et en Afrique, des peuples qu'elle appelle sauvages et barbares. Elle a porté chez eux la crapule, la désolation et l'oubli de tous les sentimens de la nature, pour se procurer de l'indigo, du sucre, du café »²¹.

20. G. T. Raynal, *Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce...*, t. 5, Genève, 1782, p. 138.

21. H. Grégoire, *De la littérature des nègres, ou Recherches sur leurs facultés intellectuelles, leurs qualités morales et leur littérature* ; suivies de *Notices sur la vie et les ouvrages des Nègres qui se sont distingués dans les Sciences, les Lettres et les Arts*, Paris, 1808, p. 278-279.

Все эти филиппики в адрес европейцев – просвещенных дикарей – не отменяли самой антитезы «варварство – просвещение». Но при этом если варварство мыслилось как первичное состояние человечества, то Просвещение понималось не как некое состояние, а как процесс, несущий в себе не только благо, но и определенную опасность. Поэтому результатом Просвещения могли быть и высшие достижения человеческого духа, и крайние степени его падения. Но в любом случае в XVIII – начале XIX в. Просвещение ассоциировалось прежде всего с французской культурой, а следовательно, отношение к Франции автоматически переносилось на отношение к просветительской идеологии вообще.

Круг замкнулся. Война 1812 г. для Местра, Сталь и Фабера стала одним из этапов переосмысления просветительских идей. Сам факт того, что в прямом столкновении наиболее просвещенной нации с наименее просвещенным полуазиатским народом последний вышел победителем, свидетельствовал о непригодности просветительской парадигмы для объяснения феноменов наступающей европейской эпохи.